

Квартал

В квартале осени, в квартале
жилом— кружа,
блажа,
мы время коротали
с тобой, душа.
Среди мотивов заливчатских,
забот мирских,
кафе, конторок адвокатских
и мастерских,
лавчонок, бутиков,—
в квартале,
в его возне—
то в праздности мы пребывали,
то в полусне.
И, с жёлтою листвою магнолий
ложась на дно
фонтанов,
думали: дано ли
иное?..

Но
однажды, будто сквозь миражный—
в листе— прогал,
посмотрим мы, душа,
и скажем:

— Э-эй, квартал!
Шумишь, ворчишь
или кемаришь,
прильнув к груди
официанток, парикмахерш,
давай— гляди—
без нас решай свой проблемы:
кружим, блажим,—
но не надейся, что тебе мы
принадлежим.
Подмигивая птичьим стаям,
сухой листве,
мы, словно карлсоны, летаем,
смотрим извне...
Покуда в сумраке прогорклом
тайком от всех,
уже клонясь к твоим задворкам,
крадётся снег.

Раковина

Я—раковина, ухо Океана.
Вошли в меня
 глубин глухие шумы,
и рокот бурь, и всплески рыб могучих...
А тот моллюск— трусливый, студенистый,
который обитал во мне когда-то
и думал, что ему принадлежу я,—
бесследно выбит из меня волнами:
он умер, умер...

 Я—пребуду вечно.
И таково моё предназначенье.
Меня возьмите тёплыми руками—
сегодня или через сто столетий—
сотрите пыль и к уху поднесите.
Прислушайтесь— и зашумит стихия...
Прислушайтесь— и Океан задышит,
великий мой отец
 и современник.

Из глубокого в небе провала
сквозь осенний предутренний мрак
оттремела гроза, отсверкала,
отсветила дремучий овраг.
И, уже не шумя, не волнуясь,
засыпая над ним в забытьи,
елей мокрые ветви сомкнулись,
прикрывая провалы пути.
Пусть надежда все боли врачует,
трезвой ходит и— навеселе,
только сердце художника чует:
неизбежен провал на земле.
И, с рождения призваны высью,
в темноте— перед ним и за ним—
да не дрогнем, да не убоимся,
да пребудем с призваньем своим.
Чтоб с улыбкой— и горькой, и вещей—
утра нового солнечный мёд
пить за то, что сверкает и блещет
и забыться сердцам не даёт.

Рассвет с песчаных дюн крадётся тихомолком,
и взглядом древних лун, пронзительным и долгим,
глядят глаза совы сквозь ближние деревья...
И посреди судьбы — за ней и перед нею —
стоишь ещё в былом под замутнённой высью.
Но тянешься крылом невидимым за мыслью —
без суетливых смет, без масок и обличий —
на проблеск, на просвет, на тонкий просвист птичий...
Чтоб — ветром по лицу — познать земное время,
но отвечать Творцу на языке творенья.
Чтоб отвечать судьбе — в исканиях взаимных
узнав её в толпе и в сумерках совиных;
приняв на остриё лучащегося дара
короткие её и длинные удары...

Не нуждаясь ни в ласке, ни в точке опоры,
под дождём и под бурей — от Бога — тверды,
вдоль низины холмы, переросшие в горы,
с двух сторон поднимают над домом хребты.
Тяжелее, темнеет и зимним железом
с каждым днём наливается небо тишком.
И на склон каменистый за тисовым лесом,
на порог, припорошенный первым снежком,
опускаешь ты медленно взгляд иноземца,
принимая, что здесь — ни хозяин, ни гость...
И земные пути бесприютного сердца
в дом ведут и сквозь стены проходят насквозь.
Но иные слова в приоткрытые ставни
неожиданный ветер дует в упор:
«Без любви не останется камня на камне
ни от стен, ни от самоуверенных гор.
Рухнут ржавые тучи в безвидных просторах,
с ног собьёт тебя длинная снежная плеть.
Пошатнутся, согнутся те люди, которых
всё ещё ты способен ободрить, согреть.
И когда холода тебе в грудь задышали,
сколько силы найдёшь, сам ты должен как дом —
быть...
И гладить дворового пса за ушами.
И поддерживать низкое небо хребтом».

Крещение

С тёмной хвоей смешанный свой густой навес
разверни, оснеженный предвечерний лес,
разомкни звериные тайные круги...
К дому — с баней, скрытою в ольхах у реки,
по старинной памяти приведи, тропа.
Накормите каменку, белые дрова.
Звёздно-синим полыхом в сердце полыхни,
ледяное полымя белой полыни.
Над купелью стынущей вынырни и ввысь
снова, ясновидящий филин, окунись.
Долгой ночью выюжистой стань прозрачной, тьма.
Окрести на мужество и на путь, Зима.

В безмолвье лунный свет пророс
пространству — в очи...
Умолк и желтоклювый дрозд
на ветке ночи.
И, плотно обжимая дом,
до выси горней
стоит такая тишь — комком,
как слёзы в горле.
Душою, кожей ощути
земные пути...
Текут по Млечному Пути
твои минуты,
в безмолвье, как вода, текут...
Но в нём — широко —
откуда чуешь этот гуд
и слышишь рокот?
Теряя силу, изнутри
земля рокочет.
Почувствуй крылья. Посмотри
пространству — в очи.
Безмолвно — к слову — поднимись
в свои просторы
за лунный свет, откуда мысль
сдвигает горы.

Празднуя свободу птичью,
падая под вечер
из-под тучи на добычу,
промахнулся кречет.
Вскрикнул. Извернулся косо
и от зубьев острых
каменистого откоса
оттолкнулся в воздух.
И поплыл — уже неслышим —
среди дымки влажной
тяжело — всё дальше, выше...
Вот и мы однажды
к вечеру — с налёту, с ходу
с крыльями не сладим,
за весёлую свободу
промахом заплатим.
И ещё в хмельном угаре
ветрового зелья —
грудью с высоты ударим
о сырую землю.
И когда-нибудь — за болью,
за дорогой длинной —
станем ветром, духом вольным,
песнею, былиной...
Но — дай Бог, не раз — до ночи —
от камней от острых,
в кровь разбившись, вскрикнув молча,
оттолкнёмся в воздух...